

К 75-ЛЕТИЮ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

IN CELEBRATION OF THE 75TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF
LINGUISTICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-14-33>РУССКИЙ ЯЗЫК XVII – XVIII вв. В СИБИРИ
КАК ПРЕДМЕТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27

Александр П. Майоров

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
Российская Федерация

Аннотация

Становление и историческое развитие сибирских региолектов русского языка в социолингвистическом аспекте – предмет исследования, проведенного на материале памятников забайкальской деловой письменности.

В XVII столетии колониальная политика в Сибири предопределяла, во-первых, формирование социальных значений ключевых терминов как результат семантического сдвига в словах разговорного стиля, обозначавших реалии нового социально-политического пространства; во-вторых, образование семантических регионализмов, отражающих восприятие русскими представителей сибирского автохтонного населения без учета этнокультурной специфики устройства их сообществ и представление инородца как «чужого», независимо от его социального статуса (являлся он подданным России или нет).

В XVIII столетии в Российской империи языковая ситуация коренным образом меняется, что повлекло за собой активные межъязыковые контакты русских с коренными народами Сибири. В этот период появлялись многочисленные автохтонные заимствования, охватившие практически все сферы жизнедеятельности русских и ставшие неотъемлемой частью их словаря. В то же время складывается уникальная ситуация диглоссии. В ней национальный литературный язык, нормы которого были переосмыслены на книжно-славянской основе, противопоставлен региолекту, главная функция которого – обслуживать сферу повседневного общения. Суть диглосного противостояния хорошо прослеживается с помощью применения понятия «языковая личность» при анализе языка частных писем того времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региолект, колониальный дискурс, социальное значение, межъязыковые контакты, регионализмы, заимствование, соционим, политоним, языковая личность

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Александр П. Майоров, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-14-33>

THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 17th–18th CENTURIES IN SIBERIA AS A SUBJECT OF REGIONAL SOCIOLINGUISTICS

UDC 81 27

Alexander P. Mayorov

Vinogradov Russian
Language Institute of the
Russian Academy of
Sciences,
Russian Federation

Abstract

The formation and historical development of Siberian regiolects of the Russian language from a sociolinguistic perspective constitute the central focus of the present study, which is based on materials from monuments of Transbaikalian administrative and business writing.

In the seventeenth century, colonial policy in Siberia predetermined, first, the emergence of social meanings in key terms as a result of semantic shifts in colloquial vocabulary denoting the realities of a new socio-political space; and second, the development of semantic regionalisms reflecting Russians' perception of representatives of the Siberian autochthonous population without regard to the ethnocultural specificity of their social organization, as well as the conceptualization of non-Russians as "others," irrespective of their social status (whether or not they were subjects of the Russian state).

In the eighteenth century, the linguistic situation within the Russian Empire underwent radical change, which led to intensified interlingual contacts between Russians and the indigenous peoples of Siberia. During this period, numerous autochthonous borrowings emerged, encompassing virtually all spheres of Russian everyday life and becoming an integral part of the Russian lexicon. At the same time, a unique situation of diglossia took shape, in which the national literary language – whose norms were reinterpreted on the basis of the Church Slavonic bookish tradition – was opposed to the regiolect, whose primary function was to serve the domain of everyday communication. The essence of this diglossic opposition can be clearly observed through the application of the concept of the "linguistic personality" in the analysis of private correspondence from the period.

KEYWORDS: regiolect, colonial discourse, social significance, interlingual contacts, regionalisms, borrowing, socionym, polytonym, linguistic personality

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Alexander P. Mayorov, 2025

1 | Введение

XVII – XVIII вв. в истории русского языка – это период, когда на вновь осваиваемых территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока появляются многочисленные региональные варианты русского языка, по-другому называемые «региолекты». Внеязыковыми факторами формирования региолектов выступают новые геополитические и социокультурные условия функционирования русского языка, а также определенная языковая политика Российского государства. Исследование данных региолектов по определению должно базироваться на социолингвистическом подходе.

В специальных комментариях нуждается термин «региолект», который был введен в оборот в 1990-е гг. [Трубинский, 1991; Герд, 2001] и стал в дальнейшем использоваться преимущественно в двух значениях:

1) региолект как язык любого города, представляющий собой уникальный вариант общенационального языка (во взглядах А. С. Герда, Е. В. Ерофеевой, Б. Я. Шарифуллина и др.);

2) региолект – региональный вариант русского национального языка как результат взаимодействия говоров вторичного образования с языками коренных народов на территориях позднего заселения и с русским литературным языком (например, в исследованиях дальневосточного региолекта Е. А. Оглезневой, колымского региолекта Ю. А. Резвухиной, забайкальского региолекта А. П. Майоровым, И. Ж. Степановой, Е. В. Зыряновой).¹ Историческое освещение корректирует суть исследуемого понятия: во-первых, региолект XVII – XVIII вв. сложно трактовать как язык города, поскольку у провинциальных населенных пунктов того времени, по умолчанию характеризующихся как «города», не наблюдается элементов собственно городской культуры² в качестве одного из важных признаков идентификации региолекта в указанном определении; во-вторых, в XVII в. вряд ли можно говорить о взаимодействии говоров вторичного образования и русского литературного языка, поскольку формирование говоров как таковых и норм национального литературного языка находилось только в начальной стадии их становления.

¹ Подробнее проблема понятия региолекта в синхронном и диахронном аспектах рассматривается в работах [Букринская, Кармакова 2020; Мишанкина 2014].

² Согласно М.Н.Тихомирову, городская культура определяется по ряду признаков: высокому уровню грамотности горожан, наличию городских книгохранилищ и ризниц, а также городской литературы [Тихомиров 1956: 261–282].

В данной статье ставится цель на материале языковой ситуации Забайкалья в указанный исторический период проследить тенденции развития регионального варианта русского языка, обусловленного социалингвистическими факторами.

Историческая динамика региональных вариантов русского языка на восточных окраинах России активно изучается уральскими (южноуральскими), пермскими, томскими, тюменскими, красноярскими, забайкальскими, якутскими, дальневосточными (хабаровскими, амурскими) учеными. Однако, как правило, подобные исследования проводятся в рамках лингвистического источниковедения, когда изучаются, прежде всего, определённые языковые уровни, представленные в письменных памятниках определенных жанров, в первую очередь, лексический, фонетико-орфографический, морфологический, синтаксический и др.. При этом изучение лингвопрагматических факторов (социальных и социокультурных), обуславливающих отбор языковых средств в той или иной дискурсивной практике, отходит на второй план. Применение социалингвистического подхода в современной исторической русистике отрицать нельзя, но надо отдавать себе отчет в том, что заявленное в названии статьи понятие региональной социалингвистики обязывает автора учитывать последние достижения в данной области языкознания.

Сегодня в социалингвистике регулярные связи между динамикой общества и развитием языка переосмысливаются в социоконструктивистском подходе: язык исследуется не как система, а как социальное действие — дискурс. При этом язык рассматривается «в ряду факторов, которые оказывают воздействие на функционирование и эволюцию общества» [Никольский 1976: 131]. Поскольку речь идет о лингвистическом конструировании социального пространства, в ходу новые понятия: «социальный контекст», «социальное значение» [Eckert, Labov 2017], «языковая идеология» [Irvine, Gal 2000], «политический дискурс» [Paul A. Chilton 2004], «гибридная идентичность» [Bhabha 1994], «языковой сдвиг» [Гренобль 2021] и др.

Динамичная природа региолекта предопределяет актуальность диахронного подхода к его исследованию. Он особенно востребован в отношении языковых ситуаций на территориях позднего (вторичного) заселения — Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. Современные взаимоотношения литературного языка с региолектом и говорами вторичного образования на этих территориях сохраняют следы своеобразных языковых изменений, происходивших в восемнадцатом столетии — в период становления литературного языка нового типа, а их специфика во многом была связана с особенностями формирования региолектов в предшествующую эпоху.

2 | Сибирский региолект в XVII в.

Для понимания природы регионального варианта русского языка в период изначального его функционирования необходимо исходить из анализа социально-политических и социокультурных предпосылок освоения новых земель русскими первопроходцами. Разные дискурсивные практики российской власти этого периода приобретали новые черты в геополитических условиях освоения Сибири и Дальнего Востока, с учетом которых их целесообразнее объединить под названием «колониальный дискурс».

Власть в Московской Руси XVII в. еще сохраняла признаки так называемого вотчинного государства или, по М. Фуко, власти-господства [Фуко 2007: 59-63]. Отсюда одна из главных целей внутренней политики – «гомогенизация подданных, т.е. покорение с низведением личностного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя» [Никольский 2017: 15]. Это, безусловно, распространяется на новых подданных – представителей колонизированных народов. Вместе с тем, деятельность Российской империи во вновь осваиваемых регионах имеет много граней: в геополитическом отношении кавказская колониальная политика и ее дискурс имеют специфику (особый институт аманатства, иная конфессиональная политика, отсутствие сбора ясака и др.), а действия власти и ее колониальный дискурс в Сибири XVII в. по тем же параметрам характеризуется другими чертами.

2.1 Языковые средства колониального дискурса

Колониальный дискурс на этом этапе представлен не только в распорядительных документах (указах, памятях) и отчетно-исполнительных (воеводских отписках), но и в просительной документации (челобитных). Лингвистическими средствами построения колониального дискурса служат разноуровневые элементы разговорного русского языка, лежавшие в основе приказного идиома, который использовался в то время, как язык власти. Иными словами, в XVII в. региональный приказный идиом по своей природе генетически был однороден с региолектным языком, с одной стороны, и с легитимным языком, с другой стороны.

Участие языковых средств в построении сибирского колониального дискурса связано с существенными изменениями в их семантике, с появлением у них особых функционально-прагматических свойств. Рассмотрение преобразований у языковых средств, как уже подчеркивалось выше, невозможно без учета социального контекста, пропитавшего дискурсивные практики исторического прошлого; последние содержат имплицитную

информацию, во многом незнакомую современному исследователю. Комплекс фоновых знаний и определенных идеологических воззрений в социальном контексте объясняет выбор этих языковых средств для достижения коммуникативной цели говорящего и обеспечивает адекватное понимание их смысла адресатом. Более того, контекст в дискурсивном анализе интерпретируется как конструируемая говорящим категория, поскольку в дискурсивной практике власти говорящий настроен на формулирование каких-то составляющих контекста в качестве основных и социально значимых смысловых опор, задающих рамки их толкования адресатом.

В качестве примера рассмотрим фрагмент челобитной Ондрюшки Барнешева с просьбой о пожаловании его за «иноземский призыв», за прибыль ясачного соболиного сбора, а также за строительство новых иркутского и ангарского острогов³:

Црю гсдрю и великому кнзю Алексѣю Михайловичю
всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу бьет
челом холопъ твой енисейской сынобоярской Ондрюшка
Барнешевъ в прошломъ великий гсдръ во 174м году по
твоему великого гсдря указу и по грамоте велено мнѣ
холопу твоему быть на твоей великого гсдря службѣ на
Байкале в **Баргузинскомъ остроге** у ясачного соболиного
збору и будучи я холопъ твой на той твоей великого гсдря
службѣ служилъ тебѣ великому гсдрю чистосерднемъ
<так в тексте!> своимъ какъ богу и во всемъ радѣль и
прибыль чинилъ а прибыль тебѣ великому гсдрю **въ**
ясачномъ зборе учинилъ немалую и божиею милостию и
твоимъ <л.249 об.> счастиемъ я холоп твой вновь **под твою**
великого гсдря царского величества высокую руку в
вѣчное холопство въ ясачной платежъ из за камени
иноземцовъ **неясачных людей призвал** четырнатцат[ь]
члвкъ з женами и з детми и по их бусурманской вере **к**
шерте привель и ясакъ с нихъ взял и те **иноземцы** моево
холопа твоего призыву и донынѣ тебѣ великому гсдрю
ясакъ с себя и сродниковъ своих платять сполна

³ Здесь и далее в иллюстративном материале старорусский текст приводится с упрощением графико-орфографических особенностей скорописи делового письма.

бѣспереводно да и впред[ъ] тебѣ великому гсдрю та
прибыл[ъ] прочна будетъ и стоятелна да я холоп твой на
Байкале ж по Верхнѣй Ангаре реке вновь поставилъ
Ангарской острогъ для твоего гсдрва **ясачного
соболиного збору** (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, Д. 23, л. 249-
249 об., 1671).

Полужирным шрифтом выделены те языковые средства, которые выступают в роли элементов, формирующих колониальный дискурс в рамках просительного документа. Дискурсивные элементы (или дискурсеми колониального дискурса) в данном фрагменте можно разделить на три тематические группы:

- 1) деятельность по колонизации: *призвать под твою великого государя высокую руку; призвать в вечное холопство; привести к шерте; поставить острог;*
- 2): колониальное налогообложение: *призвать в ясачной платеж, учинить прибыль в ясачном зборе, ясачный соболинный сбор;*
- 3) колонизированные: *неясачные люди; иноземцы.*

Каждая из дискурсем отличается своим социолингвистическим наполнением, и это можно показать на примере слова *острог*, активно употребляющегося в тексте просительного документа.

Первоначально слово *острогъ* обозначало внешнее окружное укрепление города обычно в виде частокола [Сл. XI-XIV т. VI: 190]. Значение ограждения у лексемы сохраняется в старорусском языке, вместе с тем в нем появляется новое значение 'укрепление, крепость' [Сл. XI-XVII, вып. 13: 159-160], которое в принципе опознается у слова в контексте челобитной *быть в Баргузинском остроге, поставить Ангарский острог*. Однако экстралингвистический, социальный контекст вкупе с лингвистическим контекстом всей челобитной помогает выделить у реалии, скрывающейся за словом *острог*, три новых социальных функции:

- 1) административный центр региона (*быть на твоей великого гсдря службѣ в Баргузинскомъ остроге, подлинной чертежѣ, я холопъ твой въ Енисейскомъ остроге въ съезже[й] избе столнику и воеводе Кирилу Аристарховичю Яковлеву с сею челобитною подал*);
- 2) деятельность сибирской администрации по сбору ясака (*поставилъ Ангарской острогъ для твоего гсдрва ясачного соболиного збору*);
- 3) защита ясачных подданных (*велено в Ыркуцком новой острогъ поставить для обережи от немирных мунгалских людей разныхъ земель*).

Помимо этого, в семантике регионального варианта слова *острог* содержится множество иных социальных коннотаций, связанных с деятельностью сибирских властей по содержанию аманатов, обеспечению безопасности русских служилых людей, предоставлению довольства казакам, участию в поддержке русско-монгольских и русско-китайских отношений и мн.др.

Таким образом, как дискурсема *острог* в контексте освоения сибирских территорий приобретает социальное значение 'окруженное деревянными стенами с башнями селение, которое служило укрепленным пунктом, а также своеобразным административным центром на восточных рубежах Московского государства'. В связи с этим выражение *поставить острог* означало не просто заниматься возведением оборонительных строений. Сооружение острога выступало символом государственного строительства и расширения границ Российской империи на восток.

2.2 Лингвистическая стратегия русских при освоении Сибири

Примечательной особенностью функционирования русского языка в сибирском регионе XVII в. является специфика межъязыковых контактов, отражающая социокультурную и коммуникативную направленность колониального дискурса. Точнее сказать, признаки результатов межкультурного и межъязыкового контактирования по письменным памятникам того времени практически не прослеживаются, и социальным фоном такого слабого взаимодействия культур на данном этапе оказывается исключительное стремление русской власти привести в свое подданство как можно больше племен сибирского коренного населения с целью получения пушного налога. Соответственно, вырабатывалась стратегия поведения русских, которая отличалась двумя основополагающими чертами: 1) восприятие сообществ сибирского автохтонного населения, исключаящее учет социально-политической и этнокультурной специфики их устройства; 2) восприятие представителя коренных народов Сибири как «чужого», независимо от его социального статуса (являлся он подданным России или нет).

В сибирском колониальном дискурсе XVII в. первая черта проявляет себя следующим образом. Освоение территорий, населенных коренными народами циркумбайкальского региона, должно было сопровождаться межэтническими и межъязыковыми контактами, результатом которых ожидалось бы употребление в русском документном дискурсе автохтонных заимствований, обозначающих административные должности в бурятском обществе того времени. Этого не происходит, и отсутствие или спорадическое использование в забайкальском региолекте русского языка должностных терминов *даруга*, *зайсан*, *засул*,

тайша, *шуленга*, заимствованных из бурятского, монгольского, китайского языков, объясняется тем, что данные слова заменяются русскими наименованиями *князец* (*князек*), *лутчие люди*. В контексте эпистемы колонизации⁴ и выстраивания жесткой вертикали власти-господства разграничение инородцев по социальному статусу оказывалось ненужным. Эта мысль подтверждается исследованием историка А. С. Зуева, который отмечает, что «русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для местных народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных и потестарно-политических отношений в аборигенных сообществах», выделяя у них только четыре социальные страты – князья, лучшие люди, улусные люди и холопы [Зуев 2013: 67].

Замещение автохтонных заимствований *даруга*, *зайсан*, *засул*, *тайша*, *шуленга* русскими терминами *князец* (*князек*), *лутчие люди* вызвано выполнением последними функции дискурсом по упрочению имперского сознания у бывших и новых российских подданных, закреплением за термином представления о вассальной зависимости ясачных людей.

Вторая черта актуализируется в строгой дифференциации «своих» и «чужих» в новом социально-политическом пространстве. Для маркирования последних в сибирском колониальном дискурсе XVII в. широко использовался термин *иноземцы*. У данного соционима выявляется солидная история функционирования в русском языке, начиная с XVI в. относительно очень разных категорий ясачного автохтонного населения от Поволжья до севера и северо-востока Сибири⁵. В трудах П. С. Игнаткина, А. С. Зуева, А. Ю. Конева, А. А. Люцидарской, Т. А. Опариной, Г. Х. Самигулова, В. А. Слугиной, Ю. Слѣзкиной активно дискутируются вопросы социально-правового статуса этого термина, географии его распространения, конвертации термина из политонима в соционим и др. Большинство исследователей сходятся в том, что «в соционим *иноземец* вкладывался смысл религиозно-культурной инаковости сибирских аборигенов и их неполной политической подчиненности

⁴ Термин «эпистема» с широкой амплитудой колебания его дефиниций ввел в научный оборот Мишель Фуко. В «Археологии знания» (1969) под эпистемой ученый понимает «совокупность связей, способных в определенную эпоху объединить те дискурсивные практики, которые порождают эпистемологические фигуры, науки, а иногда и формализованные системы» [Фуко 2004: 351]. В принципе стратегия отбора среди всех возможных высказываний тех, что могут оказаться принятыми внутрь как некой структуры мышления, присуща и языку власти, колониальному дискурсу в частности.

⁵ Так, по характеру ясака выделяются три категории ясачного населения: 1) ясачные Поволжья, которые по типу хозяйства были близки к государственным крестьянам и платили ясак за владение вотчинными правами на медовые угодья и бобровые гоны; 2) ясачные Урала, запада и юга Сибири – охотники, рыболовы либо скотоводы, для которых ясак был основным видом государственной подати, соответствующим типу хозяйства; 3) население севера и северо-востока Сибири, у которого ясак был видом дарообмена [Самигулов 2018: 342].

властям» (такое обобщение точек зрения разных ученых проведено в [Игнаткин 2013: 92]). В то же время уточняется, что в восточно-сибирском употреблении слова «русскими упор делался на таких его значениях, как политическая независимость, сопротивление, противоборство, неподчиненность или неокончательная подчиненность русской власти» [Зуев, Игнаткин 2016: 74].

Материал забайкальских письменных памятников свидетельствует, что соционим *иноземцы* употребляется безотносительно к указанным выше признакам:

*чтобы в том острошке служилым людям от **иноземцов** жить безстрашно ... а государь, их пожалует, велит их от иных **иноземцов** оберегать* (Историч. выбор, №14 с.42, 1648); *велено ссыльного **иноземца** Ондreja Бернацкого з женою и з детьми перевести из Енисейского на Верхотурье и государева ему служба служить* (Историч. выбор, №25, с.138, 1651); *бьют челомъ сироты твои конных тунгусовъ **иноземцы** Баликагирского роду Чянго да Екокогирского роду Байдонко* (Историч. выбор, №27, с.140, 1658); *да блись Яравинского того ж острогу живутъ немирные и неясачные **иноземцы** табунецкие люди* (Историч. выбор, №40, с.155, 1666); *и после его **иноземцы** ясаиные люди Баргузинского и Баунътовского и Кучидцого остроговъ сошлись на Яравну с промысловъ своих* (Историч. выбор, №41, с.156, 1666); *и их де служилых людей и **ясачных** **иноземцовъ** по дорогамъ и под острогами неприятельские **иноземцы** побивают многих* (Историч. выбор, №59, с.249, 1678); *и буде по твоему призыванью те **иноземцы** в православную христианскую веру крещены и намъ великому государю служатъ в христианской вере, и за то мы великий государь жалуемъ тебя похваляемъ* (Историч. выбор, №65, с.310, 1682) и т.п.

Слово *иноземец* в забайкальском региолекте XVII в. обладает широкой семантикой, указывая на врагов русских (*неприятельские иноземцы*), просто на нерусское происхождение представителей коренных народов Сибири (*бьют челом ... конных тунгусовъ иноземцы*), на отношение их к российскому подданству в составных наименованиях *ясачные* (*ясашные*)

иноземцы и *неясачные (неясашные) иноземцы*, а также в свободном употреблении (*те иноземцы ... крещены*). Характерно, что, с одной стороны, это слово в составном наименовании *ясачные (ясашные) иноземцы* выступает синонимом устойчивого выражения *ясачные (ясашные) люди*, а в составе выражения *неясачные (неясашные) иноземцы* – синонимом *неясачные (неясашные) люди*⁶. С другой стороны, оно может употребляться в атрибутивном словосочетании, осложненном приложением: *иноземцы ясашные люди* и *иноземцы неясашные люди*, и в нем существительное *иноземцы*, выступая в роли приложения, характеризует «ясашных» и «неясашных» людей как нерусских. Иными словами, приведенные примеры не позволяют увидеть приписываемые слову семантические признаки «политической независимости, сопротивления, противоборства, неподчиненности или неокончательной подчиненности русской власти», и в сухом остатке получаем выраженный признак инаковости (причем необязательно религиозной), характеристику чуждости автохтонных народов Сибири в рамках оппозиции «свой—чужой».

3 | Сибирский региолект в XVIII в.

Существенные преобразования сибирского региолекта на следующем этапе обусловлены кардинальными переменами, происходившими в жизни Российской империи на протяжении всего восемнадцатого столетия. В смене социокультурного климата определяющую роль сыграли реформы Петра Великого, давшие толчок к применению принципиально новой стратегии дальнейшего освоения Сибири. Петр I понимал: чтобы эффективно управлять такой полиэтнической страной, как Россия, нужно в первую очередь обладать знаниями о народах, ее населяющих. Как верно замечено, «сам имперский принцип власти, процесс построения имперской сверхэтнической идентичности на основе интеграции населяющих территорию империи народов требует возникновения особого института — власти знаний» [Березницкий 2022: 47]. Вспомним в связи с этим инициированные Петром I первые научные экспедиции в Сибирь для сбора и анализа этих знаний – экспедиция Мессершмидта, Первая и Вторая Камчатская экспедиция и др.

⁶ Употребительность словосочетаний *ясачные (ясашные) иноземцы* и *ясачные (ясашные) иноземцы* в забайкальской деловой письменности XVII в. одинакова, и это никак не подтверждает тезис Г.Х.Самигулова о том, что выражение «ясачные люди» было гораздо более распространенным, чем «ясачные иноземцы» [Самигулов 2018: 349].

3.1 Автохтонные заимствования в сибирском региолекте

Следующая прагматическая задача – изучить социокультурные, политические и экономические особенности жизни и быта инородцев (называемых ранее *иноземцами*, *иновърцами*) с тем, чтобы они превратились в истинных подданных Российской империи, перестав быть жителями иной земли, знания о которых ограничивались в основном тем, что они другие. В забайкальском регионе все этнические сообщества захватывает процесс аккультурации, и с российской стороны он реализуется в таком освоении инокультурных явлений, в результате которого последние становятся неременными составляющими социокультурной жизни русских в регионе, а их наименования – элементами активного словаря в их региональной речи. Характерно, что многочисленные автохтонные заимствования в основном из бурятского, а также монгольского, китайского, эвенкийского языков проникают практически во все важные сферы жизнедеятельности русских. Вот лишь некоторые примеры новых иноязычных слов, появившихся в забайкальском региолекте XVIII в.:

Лексика мира природы (флора и фауна, рельеф местности, климат и др.)	Хозяйственно-бытовая лексика (посуда и домашняя утварь, одежда и др.)	Пища, напитки	Ткане-обозначения	Лексика животноводства	Административно-общественная лексика
алагдаган, боболжа, гуран, еврашка, зерен (цере), зумура; арица, ашкара, мыкер, шикша	дыгиль, ергач (яргак), курма, ожи (очи), тырлик, гутулы (бутулы), чарки (черки); кокоур, лонок, калауж (калаус, калауз), капчиг, тулун, хаптагай (хобтагай), ширя	жулань (жулан), затуран, ладзумей (лозумей), луган, саломат, тар, уй 'сорт чая', шаньга, алакша, арака, кумыз, тарасун	голь 'китайская шелковая ткань', даба, далемба, урубок, фанза, чалдар (челдар), шанхай (шенхай) 'вид шелковой ткани'	атан, ботогон, бура, 'верблюд-самец', бурун 'теленос', гурегашек, инга, каширык (качарик, качерик), качарык, халзаной, халюной (калюной), чанкирой, шаргулой	анбан, бошко, ван, дарога, зайсан, зангин, заргучей, окинзангин, тушимел (тушемел), ясаул, цуглан, яла (ела)

Естественным следствием тесных межъязыковых контактов является заимствование безэквивалентной лексики, преимущественно представленной в таблице (названия явлений природы, домашней утвари и посуды, пищи, напитков и др.). Однако следует обратить особое внимание на появление в региолектном словаре немотивированных межъязыковых лакунов, в частности, заимствованных из бурятского языка наименований мастей лошадей (халзаной,

чанкирой) и половозрастных номинаций домашних животных (*инга* ‘самка верблюда’, *каширык* ‘теленка по второму году’). Обозначаемые бурятизмами понятия должны опознаваться и в русской картине мира: скажем, и у русских лошадь может иметь белые отметины на лбу и на ногах, однако у бурят это явление обозначается отдельным словом *халзан*. Активное заполнение лакун в наименованиях лошадиных мастей в русском региолекте уже объясняется воздействием особых социальных факторов того времени, актуальных на территории Забайкалья: например, требованиями детального описания лошадей при таможенном контроле перегона табуна через границу⁷, либо при расследовании кражи или угона лошадей, либо при их продаже, перекупке и пр.

3.2 Ситуация диглоссии в сибирских регионах

Кардинальные изменения в языковой ситуации России XVIII в. приводят, как известно, к формированию литературного языка нового типа. Происходит размежевание социальных функций по разным идиомам: теперь у литературного языка на секуляризированной книжно-славянской основе формируется единая языковая норма, которая позволяет ему выполнять коммуникативные задачи во всех сферах жизнедеятельности Российской империи, в том числе, в сфере официально-деловой коммуникации, ранее автономно обслуживаемой приказным идиомом, в котором исключалось использование книжно-славянских языковых средств.

Народно-разговорному языку оставалось в основном удовлетворять нужды повседневно-бытового общения, и, соответственно, в сибирских регионах складывалась своеобразная языковая ситуация, в которой преимущественно создавалось диглоссийное противостояние литературного языка региолектам нового типа. Если раньше в любых жанрах деловой письменной речи XVII в. разговорные формы служили средствами легитимного дискурса, то в XVIII в. их в этих функциях полностью заменяют книжно-славянские элементы. Поэтому встает вопрос: как реконструируется тот или иной региолект XVIII в., если вход в деловой язык его элементам уже был запрещен?

Разговорная речь (РР) в ее региональном звучании проникала в такие жанры деловой письменности XVIII в., как просительные документы (челобитные, объявления, доношения,

⁷ К примеру, вот как указом Генерального пограничного правления капитану кяхтинского пограничного поста Тренсу отдается распоряжение о том, чтобы перед отсылкой в государев табун описать масть и приметы лошадей, которые были конфискованы у брацкого ясашиного иноземца на границе:

... а по приеме оны^х лошаде^е вышепомянуты^м брацки^м ва^м освидете^лствова^т | по^ллинно ли те лошади в ше^рст^и | и примѣты и него | были всѣты | ежели по свидете^лству по^ллинно | явя^тся те лошади ево то тебе описа^в в ше^рсти | л. 475 об. | | примѣты и прислать оны^х в Чико^ускую Стре^лку (ПЗДП, №2, 1730, с.11).

прошения и пр.), расспросные (допросные) речи, частно-деловые письма, а также в жанры различного рода регистрационной документации (приходно-расходные книги, таможенные книги, описи имущества и др.). Она не могла быть там не представлена, так как особенности коммуникативной направленности и тематики документов предопределяли употребление именно разговорных средств. В подобных случаях эти жанровые разновидности деловой письменности XVIII в. оказываются чуть ли единственным источником реконструкции региолекта: публицистические, художественные произведения, созданные в Сибири и способные также отражать разговорную речь, по крайней мере, в Забайкалье этого периода времени, не найдены. Таким образом, сибирский региолект XVIII в. может быть восстановлен благодаря лингвистическому наполнению указанных выше жанров. Однако сугубо лингвоисточниковедческий подход менее эффективен при анализе функций средств литературного языка и региолекта в тех или иных разновидностях деловой письменности, в частности, в эпистолярном жанре. Обратимся к сравнению двух частных писем – частно-делового письма Егора Егоровича Барботдемарина, начальствующего над Нерчинскими заводами, верхнеудинскому коменданту Аппельгрейну с частным неофициальным письмом купца Иванова своему приказчику Прокопию. Подчеркну, что, несмотря на эпистолярные жанровые разновидности, сложно объяснить резкое функционально-стилистическое различие коммуникативно близкого контента двух писем. Даются фрагменты начала писем:

Письмо Е.Е.Барботдемарина	Письмо купца Иванова
<p>Милостивый государь мой Иванъ Андрѣевичъ ! на благосклонное увѣдомленіе ваше о причинахъ побудившихъ свинечныхъ поставщиковъ повѣреннаго Старкова не отправлять до 1го октября изъ Верхнеудинска въ заводы провіанта имѣю честь въ отвѣтъ служить, что объявленіи Старкову со стороны конского падѣжа неосновательны тѣмъ, что язва на лошадеи владычествовала только по правому берегу Онона...</p> <p>1791 г.</p>	<p>Прокопе[и] я уведомылса что ты купилъ сена а ко мнѣ не писалъ что у тебѣ нѣтъ сена однако тебѣ скоро потребуется сюда для допрошу то я тебѣ советую попросить старосту чтобы онъ тебѣ далъ билетъ до сихъ местъ и ти приезжай сюда поскорее а кобылу отдай с конемъ Шилникову в табунъ а возмы гнѣдова да халзаною ризенкою и возми двухъ хомутовъ ...</p> <p>1785 г.</p>

Текст всего письма Барботдемарина маркирован книжно-славянскими лексемами, в фрагменте выделенными полужирным шрифтом: *благосклонное уведомление,*

неосновательны, сеи, объявлении, язва, наискорые, нуждающихся, почтением, преданностью, покорнейше, покорнейший, владычествовала, милостивый, посему, следовательно. Их функционально-стилистическая роль подчинена достижению коммуникативной цели адресанта и соблюдению правил общения между лицами высокого социального статуса. Например, явно с фатической целью, предусматривающей учет особых социальных отношений между адресантом и адресатом (первый имеет чин коллежского советника, второй – чин секунд-майора), употребляются формула обращения *милостивый государь*, формула речевого этикета *имею честь в ответ служить*.

В тексте письма не встретим ни одного регионализма, и в целом язык письма Барботдемарина в свете ситуации диглоссии следует квалифицировать как носителя «высокого» социолекта, противопоставленного «низкому» региолекту, образцом которого выступает послание своему приказчику купца Иванова.

В последнем коммуникативное намерение адресанта идентично коммуникативной цели письма Барботдемарина – побудить адресата выполнить какие-то конкретные действия. Однако в отличие от письма начальствующего над Нерчинскими заводами письмо Иванова составлено с использованием языковых средств забайкальского региолекта. На разных языковых уровнях выделяются:

- нейтрализация твердых и мягких согласных в позиции перед гласными переднего ряда (*возми – возмы, пересипаль, ти ‘ты’ в ных ‘в них’* и др.);
- неразличение шипящих и свистящих (*допрошу, ризенкою* и др.);
- регионализм *халзаною*;
- синтаксис РР (паратаксис – соединение предикативных частей с помощью союзов *и* и *а*).

Объяснить употребление в частных письмах средств разных социальных идиомов сложно без привлечения понятия языковой личности [Караулов 2006: 29], которое может быть применено в отношении разных представителей забайкальского общества того времени. Очевидно, что высокое социальное положение Е. Е. Барботдемарина обязывает его владеть нормами легитимного языка, роль которого теперь выполняет официально-деловой стиль литературного языка, сформированный с использованием книжно-славянских элементов. В то же время применение в эпистолярном жанре нелегитимных форм языка, к которым относятся забайкальских региолект, предопределено коммуникативной компетентностью купца Иванова, ограниченной в диглосной языковой ситуации Забайкалья только знанием своего региолекта.

4 | Заключение

Исследование языка региональных памятников деловой письменности показало, что сибирский колониальный дискурс как совокупность дискурсивных практик московской власти, актуальных при реализации колониальной политики в Сибири и на Дальнем Востоке, в XVII столетии представлен документами определенных жанров, преимущественно указами, памятями, отписками и челобитными. Социальная контекстуализация в документах этих жанров сосредоточена на формировании коллективного представления о типичной культурной модели поведения в процессе колонизации осваиваемых сибирских территорий.

В семнадцатом столетии специфика колониальной политики в Сибири была связана со сбором ясака и проявлялась в такой стратегии поведения русских, которая игнорировала социально-политические и этнокультурные особенности устройства сообществ сибирского автохтонного населения, а также определяла восприятие сибирских аборигенов по признаку социальной и религиозно-культурной инаковости. В колониальном дискурсе это выражалось посредством замещения терминов, обозначавших административные должности в бурятском обществе того времени (*шуленга, даруга, зайсан* и др.) русскими наименованиями *князец (князек), лутчие люди*, призванными закреплять за этими терминами представление о вассальной зависимости ясачных людей. Отчуждение представителей коренных народов Сибири в сибирском региолекте выражалось соционимом *иноземцы*.

Языковые средства в условиях социального контекста указанной социальной политики приобретают новые, так называемые социальные значения. Многие разговорные слова (*острогъ, земляца, призвать, сборъ*), выступая в роли средств колониального дискурса, характеризовали новые реалии с позиций государственного строительства и расширения границ Российской империи на восток.

В восемнадцатом столетии принципиально иная политика дальнейшего освоения Сибири, вызванная к жизни реформами Петра I, повлекла за собой смену стратегии проявления этноцентризма и интолерантности русских стратегией адаптации и аккультурации в отношении коренных народов Сибири. Это обусловило резкие изменения в межъязыковых связях русского языка с автохтонными языками. Словарь региолекта пополняется большим количеством автохтонных заимствований, которые обозначали не только новые предметы, ставшие неотъемлемой частью жизнедеятельности русских в регионе, но и те понятия, которые для них получили особую социокультурную значимость и эксплицитное выражение через эти заимствования.

В XVIII в. происходит становление литературного языка нового типа на книжно-славянской основе, и в сибирских регионах обозначается заметное противопоставление по социальным функциям национального литературного языка тому или иному региолекту. В провинции формируется своеобразная ситуация диглоссии, в которой региональный вариант русского языка обслуживает нужды обиходно-бытового общения, а литературный язык – сферы формальной и публичной коммуникации. Прибегая к понятию языковой личности, можно объяснить, как средства данных противостоящих друг другу социальных идиомов используются в одних и тех же жанрах письменной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Березницкий С. В.* (2022) Власть знаний как основа деятельности Петра Первого при создании имперской идентичности России // Кунсткамера. № 1 (15). С. 44–54. DOI: 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54
- Букринская И. А., Кармакова О. Е.* (2020) Региональные разновидности устной речи // Русская речь. № 4. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170010731-3
- Герд А. С.* (2001) Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. С. 45–52.
- Донецкий региолект: монография* (2018) / под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Изд-во ООО «НПП Фолиант». 265 с.
- Ерофеева Е. В.* (2005) Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 320 с.
- Зуев А. С.* (2013) Освоение Московским государством социально-политического пространства Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 8. С. 61–72.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С.* (2016) «Иноземцы»: «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI — начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 15. № 8. С. 67–85.
- Исторический выбор: Россия — Бурятия в XVII — первой трети XVIII века: документы и материалы* (2014) / авт.-сост. О. В. Бураева, С. С. Бураева, М. Н. Балдано. Иркутск: Оттиск. 783 с.
- Игнаткин П. С.* (2013) Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. С. 92–94.
- Караулов Ю. Н.* (2006) Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е, стереотип. М.: КомКнига. 264 с.
- Мишанкина Н. А.* (2014) Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестник Томского государственного университета. № 389. С. 28–37.
- Никольский Л. Б.* (1976) Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы. М.: Наука. 166 с.
- Никольский С. А.* (2017) Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: ИФ РАН. 126 с.
- Оглезнева Е. А.* (2008) Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). С. 119–136.

- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности (2005) / под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 260 с.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 6 (2002) / гл. ред. И. С. Улукханов. М.: Русский язык.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. (1987). Вып. 13 / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука.
- Тихомиров М. Н. (1956) Древнерусские города. М.: Изд-во политической литературы. 477 с.
- Трубинский В. И. (1991) Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков. С. 156–157.
- Фуко М. (2004) Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга. 416 с.
- Хорошева Н. В. (2011) Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (15). С. 32–36.
- Bhabha H. K. (1994) *The Location of Culture*. London: Routledge. 307 p.
- Eckert P., Labov W. (2017) Phonetics, phonology and social meaning // *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 21. No. 4. P. 467–496.
- Grenoble L. A. (2021) Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // *Социоллингвистика*. № 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35
- Chilton P. A. (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.

REFERENCES

- Bereznitsky, S.V. (2022) The power of knowledge as the basis of Peter the Great's activity in creating Russian imperial identity. *Kunstkamera*, 1(15), pp. 44–54. DOI: 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-44-54. (In Russian).
- Bukrinskaya, I.A. and Karmakova, O.E. (2020) Regional varieties of spoken language. *Russkaya Rech*, 4, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170010731-3. (In Russian).
- Gerd, A.S. (2001) Some remarks on the concept of dialect. *Russkiy Yazyk Segodnya*, 1, pp. 45–52. (In Russian).
- Donetsk Regionalllect: Monograph (2018) Edited by V.I. Terkulov. Donetsk: NPP Foliant. 265 p. (In Russian).
- Erofeeva, E.V. (2005) Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect. Perm: Perm University Press. 320 p. (In Russian).
- Zuev, A.S. (2013) The Moscow states mastering of the socio-political space of Siberia. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History, Philology*, 12(8), pp. 61–72. (In Russian).
- Zuev, A.S. and Ignatkin, P.S. (2016) Foreigners: insiders and others: conceptual and terminological classification of the socio-political status of Siberian aborigines in the Moscow state (late 16th – early 18th century). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History, Philology*, 15(8), pp. 67–85. (In Russian).
- Historical Choice: Russia – Buryatia in the 17th – first third of the 18th century: documents and materials (2014) Compiled by O.V. Buraeva, S.S. Buraeva and M.N. Baldano. Irkutsk: Ottisk. 783 pp.. (In Russian).
- Ignatkin, P.S. (2013) The socionym foreigners applied to the peoples of Siberia in the business writing of Muscovite Russia (second half of the 16th – early 17th century). *Humanities in Siberia*, 4, pp. 92–94. (In Russian).
- Karaulov, Y.N. (2006) *Russian language and linguistic personality*. 5th edn. Moscow: KomKniga. 264 p. (In Russian).

- Mishankina, N.A. (2014) The linguistic corpus Tomsk regional text: theoretical and methodological justification of the project. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 389, pp. 28–37. (In Russian).
- Nikolskiy, L.B. (1976) *Synchronic sociolinguistics: theory and problems*. Moscow: Nauka. 166 p. (In Russian).
- Nikolskiy, S.A. (2017) *Empire and culture: philosophical and literary reflection on October*. Moscow: IF RAN. 126 p. (In Russian).
- Oglezneva, E.A. (2008) Far Eastern regionallect of Russian: features of formation. *Russkiy Yazyk v Nauchnom Osveshchenii*, 2(16), pp. 119–136. (In Russian).
- PZDP – Monuments of Transbaikalian Business Writing (2005) Edited by A.P. Mayorov. Ulan-Ude: Buryat State University Press. 260 p. (In Russian).
- Dictionary of Old Russian Language (11th–14th centuries), Vol. 6 (2002) Edited by I.S. Ulukhanov. Moscow: Russkiy Yazyk. (In Russian).
- Dictionary of Russian Language (11th–17th centuries), Vol. 13 (1987) Edited by D.N. Shmelev. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Tikhomirov, M.N. (1956) *Old Russian towns*. Moscow: Political Literature Publishing House. 477 p. (In Russian).
- Trubinsky, V.I. (1991) Modern Russian regionallects: features of formation. *Pskov Dialects and Their Environment*. Pskov, pp. 156–157. (In Russian).
- Foucault, M. (2004) *Archaeology of knowledge*. Translated from French by M.B. Rakova and A.Y. Serebryannikova. St Petersburg: IC Humanitarian Academy; Universitetskaya Kniga. 416 p. (In Russian).
- Khorosheva, N.V. (2011) Regionallect as an intermediate idiom in French and Russian languages. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 3(15), pp. 32–36. (In Russian).
- Bhabha, H.K. (1994) *The location of culture*. London: Routledge. 307 p.
- Eckert, P. and Labov, W. (2017) Phonetics, phonology and social meaning. *Journal of Sociolinguistics*, 21(4), pp. 467–496.
- Grenoble, L.A. (2021) Sociolinguistics and language shift: understanding shift processes through the lens of speakers. *Sociolinguistics*, 2(6), pp. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35.
- Chilton, P.A. (2004) *Analysing political discourse: theory and practice*. London: Routledge.

Майоров Александр Петрович – д. филол. наук, проф., вед. научн. сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Адрес: 670033, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ветеранская, д. 24.
Эл. адрес: map1955@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9453-8212>

Aleksandr P. Mayorov – Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia. Moscow, Volkhonka, 18/2
Address: Veteranskaya 24, Ulan-Ude, Russia, 670033.
E-mail address: map1955@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9453-8212>

Для цитирования: *Майров А.П.* Русский язык XVII - XVIII вв. в Сибири как предмет региональной социолингвистики // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 14–33. DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-14-33

For citation: *Mayorov A.P.* the Russian language of the 17th-18th centuries in Siberia as a subject of regional sociolinguistics // Sociolinguistika. 2025. No. 4 (24). Pp. 14–33. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-4-24-14-33

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.03.2025;
approved after reviewing 10.08.2025;
accepted for publication 30.11.2025.